

ЧЕТЫРЕ

Виктор
Есипов

ЖИЗНИ
ВАСИЛИЯ
АКСЕНОВА

РИПОЛ
КЛАСИК

Легенды оттепели

Виктор Есипов

**Четыре жизни
Василия Аксенова**

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Есипов В. М.

Четыре жизни Василия Аксенова / В. М. Есипов —
«РИПОЛ Классик», 2016 — (Легенды оттепели)

ISBN 978-5-386-09233-7

Кого любил Василий Аксенов – один из самых скандальных и ярких «шестидесятников» и стиляг? Кого ненавидел? Зачем он переписывался с Бродским и что скрывал от самых близких людей? И как смог прожить четыре жизни в одной? Ответы на эти непростые вопросы – в мемуарной книге «Четыре жизни Василия Аксенова».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09233-7

© Есипов В. М., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

У Аксенова	6
Об этой книге	7
Четыре жизни Василия Аксенова	8
Конфликт с Иосифом Бродским	14
Евгения Гинзбург и Василий Аксенов	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виктор Есипов

Четыре жизни Василия Аксенова

© Вогман В. М, текст, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

У Аксенова

Квартира в сталинской высотке,
Здесь, круглолиц, усы, как щетки,
Под звук небесных саксофонов
Нетленку создает Аксенов.
Здесь потолки – четыре метра,
Скрывают лоджии от ветра,
Здесь вкус замечен в интерьере,
И для друзей открыты двери.
Здесь выпито немало водки,
Бифштекс шкварчит на сковородке,
И виды из окна такие,
Что не найдешь во всей России.
И ни во всей первопрестольной:
Иван Великий-колокольня,
Весь Кремль в окне – как на ладони...
А он стоит на этом фоне,
Овеянный хулой и славой,
Не молодой уже, но бравый,
С серьезно-ироничным взглядом, —
Передо мной, напротив, рядом!
Он жестом: «Подойди поближе!» —
Я подхожу к окну и вижу...
Ту надпись не забыть вовеки:
«1949 год. Строили зэки».

Об этой книге

С Василием Аксеновым тесные отношения связывали меня с 2003 года – тогда он предложил нам, мне и моей жене Ирине Радченко, быть его представителями в отечественных издательствах и редакциях журналов. Впрочем, не только в отечественных: приходилось общаться и с китайскими издателями, и с европейскими. С сентября 2005 года, когда Ирины не стало, мне пришлось выполнять эти обязанности одному. А после ухода Василия (6 июля 2009-го) я стал доверенным лицом (и не только по литературным вопросам) его вдовы Майи (1930–2014).

Вот поэтому на мою долю выпало разбирать американский архив знаменитого писателя, имя которого хорошо известно не только в России, но и в США, и во Франции, и в других странах мира. Эта работа началась в 2010 году после того, как племянник Майи Александр Змеул вывез буквально на руках (не рискуя сдавать бесценный груз в багаж) множество папок с литературными материалами из американской квартиры Аксеновых. Разбор материалов архива занял шесть лет жизни. Результатом работы стали три составленные и прокомментированные мною книги по материалам аксеновского архива: *«Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции»* (Астрель, 2012), *Василий Аксенов «Одно сплошное Карузо»* (Эксмо, 2014), *Василий Аксенов «Ловите голубиную почту». Письма (1940–1990)* (АСТ, 2015). В первую книгу вошли также собранные мною воспоминания друзей и современников о писателе, в том числе и мои собственные воспоминания.

Аксеновские тексты, вошедшие в упомянутые книги, ежегодно публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Октябрь», «Знамя», «Казань». Каждая такая публикация предварялась моим вступительным текстом.

Кроме того, я участвовал в трех международных конференциях, посвященных творчеству Василия Аксенова: в г. Александрия (США, штат Вирджиния, 2010); в Москве, в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (2012); в Казани, в Казанском университете (2014).

Выступления на упомянутых конференциях и некоторые вступительные тексты к публикациям в периодике входят в настоящую книгу. Специально для книги была написана работа о конфликте между Василием Аксеновым и Иосифом Бродским. Конфликт возник, как известно, в связи с отрицательным отзывом Бродского на роман Аксенова «Ожог», который задержал вхождение Аксенова в американскую литературную жизнь на три года. В работе использованы все известные мне на сегодняшний день литературные материалы, касающиеся этого конфликта.

Включены в настоящую книгу предисловие к незавершенному роману «Ленд-лизовские» (Эксмо, 2010), который был предоставлен мною в том же году журналу «Октябрь» и издательству «Эксмо» для публикации, а также предисловие к упомянутой книге «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции» и некоторые другие принадлежащие мне тексты.

Также представилось целесообразным опубликовать здесь в качестве приложений некоторые материалы прикладного характера, которые могут быть востребованы будущими исследователями творчества и биографии Василия Аксенова: своего рода семейное древо семьи Аксеновых, список кинофильмов и сценариев по книгам писателя, библиографию его произведений, которая не претендует на исчерпывающую полноту, но тоже может оказаться кому-то полезной.

Четыре жизни Василия Аксенова (Предисловие к книге «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции»)

Биография писателя Василия Аксенова, широко известного не только в России, но и в мире, настолько богата событиями, будто он прожил несколько жизней. Родился в 1932 году в Казани в благополучной советской семье: отец – председатель горсовета, мать – преподаватель пединститута и заведующая культурой газеты «Красная Татария». Счастливые первые годы. Затем арест родителей, спецприемник для детей «врагов народа», многодетная семья тетки, в 1948-м поездка в Магадан к находящейся на поселении матери (по существу, знакомство с ней). В Магадане Василий оканчивает среднюю школу и с аттестатом зрелости возвращается в Казань, где в 1950-м поступает в мединститут: профессия врача самая безопасная и житейски полезная для сына лагерников и, значит, потенциального лагерника.

В марте 1953-го умирает Сталин. Вдруг буквально ниоткуда появляются так называемые стиляги, первая субкультура в Советском Союзе. Стиляг привлекает все западное: они любят западное кино и джаз, восхищаются Америкой. Это стихийная, не вполне осознаваемая ее участниками форма протеста против советского тоталитаризма. Василий увлечен этим новшеством: у него прическа с коком, вычурная одежда, он не упускает случая послушать джаз. В том же, 1953 году он переводится в Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова, который оканчивает в 1956-м. Работает врачом в Ленинградском морском порту, в поселке Вознесение на Онежском озере, в Московском областном туберкулезном диспансере. В 1957 году женится на красавице Кире Менделевой.

Жизнь в стране начинает меняться. После прошедшего в апреле 1956 года XX съезда правящей коммунистической партии, на котором лидер коммунистов Никита Хрущев разоблачил преступления сталинского режима, идет массовая реабилитация незаконно репрессированных. Начинается политическая оттепель. В литературе одно за другим появляются новые имена. Возникают новые журналы и альманахи, открываются новые театры. Выходят кинофильмы, появление которых еще несколько лет назад было бы невозможно.

С этими изменениями совпали и изменения в жизни молодого врача Василия Аксенова. Так, в 1959 году известный советский писатель Валентин Катаев, главный редактор недавно созданного журнала «Юность», публикует в нем два рассказа неизвестного медика. Рассказывали, что Катаев подписал их в номер, даже не дочитав до конца, восхитившись двумя метафорами начинающего прозаика. А вскоре, в 1961 году, там же выходят повести «Коллеги» и «Звездный билет». В советской литературе появляется новый герой¹ – с нравственными исканиями, презирующий советские штампы, тянущийся к западной культуре, в частности к джазу. У этого героя своя лексика с оттенками иронии и критическими нотками по отношению к окружающей его действительности. Зоя Богуславская отметила в свое время: то ли Аксенов внес в литературу городской молодежный сленг начала шестидесятых, то ли молодежь заговорила языком его героев. Наверное, и то и другое: лексика героев аксеновских повестей и язык улицы – это были как бы два сообщающихся сосуда...

Аксенов становится знаменитым, он буквально врывается в литературу так называемых шестидесятников и становится одним из лидеров нового поколения. Нового во всем: в отношении к творчеству, в художественном стиле, в стиле жизни, в одежде и манере поведения.

¹ Справедливости ради следует заметить, что впервые такой герой появился года на два раньше у Анатолия Гладилина, но у Аксенова это получилось ярче.

Александр Кабаков в недавно изданной совместно с Евгением Поповым книге «Аксенов» описал это вхождение их героя в литературную среду весьма экспрессивно: «И вот Вася оказывается среди этих нехудо одетых, но совершенно ему чуждых монстров, богатырей совписа. А с другой стороны – и ровесники Васины не отстают, шлюзы оттепели открыты. <...> Вот, пожалуйста, Евгений Александрович Евтушенко. В этом случае, конечно, не столько об эlegantности следует говорить, сколько об экстравагантности, но экстравагантности первосортной... А Андрей Андреевич Вознесенский! Человек, показавший всему СССР, что такое шейный платок! А Белла Ахмадулина в скромненьком черном платье, которое вечно в моде и называется маленькое черное платье, в точно таком же платье, как Эдит Пиаф! <...> И тут: здравствуйте, я Вася. А что происходит дальше? А дальше Вася становится номер один – ну, или около того – среди них как автор, и Вася становится номер один среди них как стилиста! Суть вот в чем: Аксенов может жить только номером первым, он просто сориентирован с молодости на это, он возмещает Казань, нищету, всю эту как бы второсортность сына „врага народа“ – и теперь он номер один».

Так началась вторая жизнь Василия Аксенова. Он много пишет и печатается, его рассказы, повести и романы с восторгом принимаются читателями, особенно молодежью: «На полпути к луне» («Новый мир», 1962, № 7), «Апельсины из Марокко» («Юность», 1963, №1), «Товарищ Красивый Фуражкин» («Юность», 1964), «Катапульта» («Советский писатель», 1964), «Пора, мой друг, пора» («Молодая гвардия», 1965), «На полпути к луне» («Советская Россия», 1966), «Затоваренная бочкотара» («Юность», 1968, № 3), «Жаль, что вас не было с нами» («Советский писатель», 1969). Но этот успех сопровождается неослабевающими нападками ревнителей лживой коммунистической морали и драматическими эпизодами непосредственного общения с властью. Например, с Никитой Хрущевым во время встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле в марте 1963 года, где глава государства кричал и топал ногами на него и на Андрея Вознесенского.

Между тем время благотворных перемен в истории страны, время политической оттепели закончилось быстро: в октябре 1964 года был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС инициатор оттепели Никита Хрущев, 29 марта – 8 апреля 1966 года прошел XXIII съезд КПСС, вернувший в Устав партии сталинские названия (Политбюро и Генсек), в том же году в Москве прошел первый политический судебный процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, за ним последовали суды над правозащитниками и диссидентами, несогласных с режимом отправляли в лагеря и психбольницы. В августе 1968-го советские танки вошли в Прагу.

Для значительной части писателей, к которой принадлежал и Василий Аксенов, иллюзии о возможности существования «социализма с человеческим лицом» окончательно развеялись. Становится ясно, что любое свежее и правдивое слово будет появляться в печати с большими трудностями. Начинается эпоха застоя. Аксенова печатают все реже. В 1968 году выходит пародийно-фантастический роман «Джин Грин – неприкасаемый» (в соавторстве с Григорием Поженяном и Овидием Горчаковым), да еще в 1971-м в «Политиздате» (серия «Пламенные революционеры») повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству». А через несколько лет – с перерывами – детская научно-фантастическая диалогия «Мой дедушка – памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976).

Аксенов, словно забыв о существовании цензуры, начинает писать новый роман «Ожог», роман совершенно антисоветский, вырывающийся за пределы традиционного реализма. Стремление воспарить над элементарной достоверностью и обыденностью происходящего весьма характерно для творчества зрелого Аксенова и является, быть может, главной отличительной чертой его стиля.

Очень показателен в этом смысле рассказ «А А А А» из более поздней по времени книги «Негатив положительного героя». Весь он насыщен вполне достоверными деталями и местами даже смахивает на дневниковую запись, не лишенную, впрочем, весьма артистичных иронических эскапад, и вдруг в последней части находим такое вот авторское предупреждение: «Пришла уже пора подкручивать этому рассказу пружину». И начинается! Появляется надувной матрас, как плавучее средство для выхода из советской береговой зоны в нейтральные воды Балтики; прорезают темень прожектора пограничников; выныривают из темноты неведомые аквалангисты, которые увлекают с собой, словно «морские черти», мирную эстонскую библиотекаршу, дрейфующую вместе с героем-рассказчиком на означенном выше надувном матрасике...

Но вернемся к истории «Ожога». Он был окончен в 1975 году, и Аксенов, понимая, что на родине роман не может быть опубликован, переслал его на Запад. Это было опасно: могли последовать репрессии властей. Но, с другой стороны, таким образом автор мог сохранить роман, что бы ни случилось теперь с ним самим. Кроме того, Аксенов не исключал при определенных условиях возможности публикации «Ожога» за границей, в таком случае, получив широкую известность на Западе, роман мог защитить его самого: западная общественность поднялась бы на защиту писателя.

Так называемым компетентным органам эта акция Аксенова становится известной. Не желая допустить публикации «Ожога» за рубежом, власти в отношении с Аксеновым идут на определенные послабления. Ему все еще разрешаются заграничные командировки и даже чтение лекций в зарубежных университетах. Допускаются отдельные публикации в периодической печати: в 1976 году в «Литературной газете» («Вне сезона»), в 1978-м в «Новом мире» («В поисках жанра»). Окончательный разрыв происходит в 1979 году, когда выходит неподцензурный альманах «Метрополь», негласным лидером которого был Аксенов. Альманах задумывался как вполне лояльное по отношению к власти издание, в него даже не приглашали из тактических соображений уже преследуемых в то время писателей-диссидентов, например, Владимира Войновича и Георгия Владимова. Тираж «Метрополя» всего 12 машинописных экземпляров (4 закладки бумаги на пишущей машинке), но сам факт выхода издания, не прошедшего советскую цензуру, а также передача одного из экземпляров «Метрополя» в Америку вызывает бурную реакцию писательского начальства. Из Союза писателей исключают двух молодых участников альманаха Виктора Ерофеева и Евгения Попова, в ответ на это Аксенов демонстративно выходит из Союза. В июле 1980 года писатель вместе с семьей² вылетает в Париж. Перед отъездом за границу на него совершается покушение, когда он вместе с женой Майей возвращается из Казани, простившись с отцом.

Начинается третья жизнь Василия Аксенова – эмиграция. Недолго пробыв в Европе, Аксеновы 10 сентября 1980 года прилетают в Нью-Йорк. Там они находят приют и поддержку в Анн-Арборе (штат Мичиган) у известных американских славистов Карла и Эллен-деи Профферов, посвятивших себя служению русской литературе. В издательстве Профферов, знаменитом «Ардисе», выходят главные книги Аксенова советского периода – романы «Ожог» (1980) и «Остров Крым» (1981), которые не могли быть напечатаны на родине. Кроме того, тот же «Ардис» выпускает в свет роман «Золотая наша Железка», издательство «Эрмитаж» (Анн-Арбор) – сборник пьес «Аристофаниана с лягушками» (1981), а «Серебряный век» (Нью-Йорк) – повести «Затоваренная бочкотара» и «Рандеву» (1980). Но эти издания не могли обеспечить материальной независимости автору: слишком малы были их тиражи. Отношения же с отечеством были окончательно разорваны: 21 января 1981 года решением Верховного Совета СССР писатель был лишен советского гражданства.

² Вторая жена Майя, ее дочь Алена и внук Иван.

Эмигрантская жизнь продолжалась. Аксеновы поселились в Вашингтоне. Там Аксенов начинает преподавать русскую литературу и отдается этому с удовольствием. Впоследствии он признается, что многолетнее преподавание сделало его «интеллектуалом». Профессор Василий Аксенов преподает в Вашингтонском Институте Кеннана (1981–1982), университете Дж. Вашингтона (1982–1983), Гаучерском колледже и университете Джона Хопкинса (1983–1988), а с 1988 года – в расположенном неподалеку от Вашингтона (г. Фейрфакс, штат Вирджиния) университете Джорджа Мейсона. Здесь он проработает 16 лет, вплоть до своего возвращения в новую Россию в 2004 году.

Параллельно Аксенов продолжает много писать. В первое десятилетие после начала эмиграции написаны и изданы сборник рассказов «Право на остров» (1983), романы «Бумажный пейзаж» (1982), «Скажи изюм» (1985), «В поисках грустного бэби» (1986), «Желток яйца» (1989)³.

Рассказы, воспоминания и эссе Аксенова печатаются в эмигрантских изданиях «Новый американец», «Третья волна», «Russika», «Страна и мир», «Грани», «Континент».

Между тем на родине вновь происходят серьезные изменения. Михаил Горбачев объявляет политическую перестройку. В 1989 году, через 9 лет эмиграции, Василий Аксенов впервые посещает Советский Союз. Но эта поездка оказалась возможной отнюдь не по воле руководства страны, а по приглашению посла США в Москве Джека Мэтлока, который дружил с русским писателем-эмигрантом. И жили Василий и Майя Аксеновы в тот приезд в резиденции посла Спасо-хаусе, а не в московской гостинице.

Однако политическая ситуация менялась довольно быстро, и в 1990 году Аксенову вернули советское гражданство. Отныне он мог свободно приезжать на родину. В Москве издали «Ожог» и «Остров Крым», что было невозможно себе представить еще год назад. В августовские дни 1991 года Аксенова не было в Москве, здесь была Майя, она по телефону обсуждала с Василием стремительное развитие революционных событий. Вскоре и он приезжает в столицу новой России. Исторические дни августа 1991 будут запечатлены Аксеновым позднее в романе «Новый сладостный стиль»⁴ (1997). В нем же будут интересные предвидения: незабвенный соавтор сталинского гимна СССР С. В. Михалков, шлепая в «верблюжьих тапочках» по площади Восстания, сочиняя на ходу, бормочет про себя слова нового гимна, гимна демократической России («Борцов демократии, сильных, свободных, / Сплотила навеки великая Русь...»).

В 1993 году московские власти предоставляют Майе квартиру в высотном доме на Котельнической набережной – взамен отобранной у нее после отъезда в эмиграцию квартиры ее умершего мужа Романа Кармена. Впоследствии этот дом станет центром повествования в романе «Москва-ква-ква». На родине издаются новые книги Аксенова: трилогия «Московская сага» (1993–1994), сборник рассказов «Негатив положительного героя» (1996), упомянутый уже роман «Новый сладостный стиль». В 1995 году журнал «Юность», постоянным автором которого был молодой Василий Аксенов, издает его пятитомное собрание сочинений. В многочисленных интервью Аксенову все чаще задаются вопросы об окончательном возвращении на родину.

В 2001 году писатель приобретает небольшой дом в Биаррице на французском побережье Бискайского залива и вскоре переезжает туда с женой. В том же году в Москве выходит его новый роман «Кесарево свечение», который Аксенов считает своим высшим достижением. Теперь жизнь его проходит между Россией (куда он регулярно приезжает с середины 1990-х) и Францией. Это можно считать началом четвертой, самой короткой, жизни писателя. Он, правда, еще сохраняет за собой весенние семестры в университете Джорджа Мей-

³ Написанный по-английски и затем самим автором переведенный на русский язык.

⁴ Время написания 1994–1996 гг.

сона. Лишь в 2004 году он закончит свою преподавательскую деятельность и окончательно покинет Америку.

В Биаррице Аксенов работает в тиши и покое, в Москве общается с друзьями и прессой. Внимание прессы и других СМИ он привлекает своей яркой биографией и необычайной творческой активностью.

Анатолий Гладилин совершенно справедливо заметил по этому поводу: Аксенов совершил то, что суждено немногим. Он вернулся и «вновь стал популярным писателем у себя на родине»⁵.

Его книги выходят в Москве одна за другой:

2004 – «Десятилетие клеветы. Радиожурнал писателя» – это аксеновские радиоочерки, которые регулярно с 1980 по 1991 год звучали в эфире радио «Свобода»;

2004 – «Американская кириллица»;

2004 – роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки»;

2005 – «Зеница ока», книга, включившая в себя публицистические выступления писателя по самым животрепещущим вопросам жизни России, – в еженедельнике «Московские новости» и журнале «Огонек» с января 1996 по октябрь 2004 года.

2006 – роман «Москва-ква-ква»;

2007 – роман «Редкие земли»;

2007 – «Ква-каем, ква-каем... Предисловия, послесловия, интервью».

Кроме того, в 2004 году по центральному телевидению демонстрируется телевизионный сериал по трилогии «Московская сага».

За роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» Аксенов получает «Русского Букера» – первую крупную литературную премию за все годы его служения литературе. Роман переведен на французский язык и издается в Париже. В 2005 году Василий Аксенов награждается Орденом литературы и искусства, одной из высших наград Франции. Это его единственная государственная награда. В России же в день своего 75-летия он удостоивается лишь поздравительных телеграмм от президента и премьер-министра.

Тот факт, что во Франции заслуги Аксенова оцениваются выше, чем на родине, объясняется независимостью его гражданской позиции: в России такая независимость всегда только раздражает власть. Зато родная Казань встречает его с любовью и почетом во время первого «Аксенов-феста», который был устроен в его честь в октябре 2007 года и с тех пор проводится каждую осень. Возможно, идея фестиваля и его подготовка пробудили яркие воспоминания о его казанском детстве и стали стимулом для написания нового романа. Во всяком случае, ко времени приезда в Казань роман был уже начат. К сожалению, Аксенов не успеет его закончить: 15 января 2008 года за рулем автомобиля его настигнет инсульт, после которого ему не суждено будет оправиться. Смерть наступит 6 июля 2009 года.

После смерти писателя, в 2010 году, вышли еще три его новые книги: «Логово льва. Забытые рассказы», «Таинственная страсть» и «Ленд-лизовские». На двух последних следует остановиться особо.

«Таинственная страсть» – роман об аксеновском поколении, о писателях и поэтах, вошедших в литературу в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века. Название взято из стихотворения Беллы Ахмадулиной 1959 года, где есть такая строфа:

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи...

⁵ К этим немногим, безусловно, относятся А. И. Солженицын, В. Н. Войнович, в какой-то степени и сам А. Т. Гладилин.

«Не в этом ли, – задавался вопросом в статье, посвященной „Таинственной страсти“, автор настоящего предисловия, – идея романа: поколение предало само себя, не сумев сохранить человеческое и творческое единение в противостоянии бесчеловечной власти. Страх перед железобетонной властью и личные амбиции разъединили их».

Роман горький и честный – о дружбе, о служении призванию, о предательстве. Он написан с той же искренностью и вдохновением, что были свойственны молодой прозе Аксенова. Роман, как выяснилось после смерти автора, писался с середины 2006-го по середину 2007 года.

А всю вторую половину 2007 года Аксенов был занят уже новым романом – о своем казанском детстве, о голоде, об американской помощи воюющей России, – романом, который получил издательское название «Ленд-лизовские». Роман не завершен: окончена первая часть и начата вторая, а состоять он должен был из трех частей. Он написан в совсем иной манере, чем «Таинственная страсть». Здесь – то стремление к полному авторскому освобождению, которое прослеживается во всех его последних романах, но достигает воплощения только сейчас. Если когда-то в «Ожоге» Аксенов полностью освободился от соображений о проходимости или непроходимости написанного в условиях советской цензуры, то в «Ленд-лизовских» он полностью освободился от каких-либо соображений о читателе: например, о том, поймет или не поймет читатель написанное им. Перестав ориентироваться на читателя, даже самого просвещенного, он обрел полную свободу самовыражения. Как будет оценена в будущем эта экспериментальная проза, покажет время...

Конфликт с Иосифом Бродским

О том, что отношения между двумя знаменитыми советскими эмигрантами в Америке были далеко не безоблачными, известно давно, и это ни для кого не является секретом. А между тем до отъезда Бродского в эмиграцию они были добрыми приятелями, даже, можно сказать, друзьями. После возвращения опального поэта из ссылки Аксенов устраивал ему выступления в Москве вместе с кумирами шестидесятых Вознесенским, Евтушенко, Ахмадулиной. Бродский запросто бывал у Василия дома, сын Василия хорошо помнит его посещения.

Дружески общались они и в Ленинграде, что через много лет засвидетельствовал Марк Розовский в воспоминаниях, написанных по моей просьбе, для книги «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции».

Из воспоминаний Марка Розовского:

«...А вот еще одна наша встреча, не однажды упомянутая в переписке Аксенова с Бродским. Она состоялась в родном их городе Ленинграде скоро после возвращения Иосифа из пресловутой ссылки. Я тогда работал в БДТ над „Историей лошади“, и ко мне в гости приехала из Москвы на пару дней прекрасная девушка по имени Юля Варшавская, и приехала не одна, а... с гвинейским попугаем на плече. Я встретил ее на Московском вокзале, и не было человека, который бы не оборачивался на нас. И тут же, в гостинице, мы нос к носу столкнулись с Васей Аксеновым.

Он сказал:

– Шикарно!.. Вечером давайте отужинаем вместе!

Сказано – сделано. Договорились встретиться в „Европейской“, там был наверху ресторан под названием „Крыша“, где хорошо кормили и классно играл какой-то клевый джазик.

– С нами Рыжий посидит, не возражаешь? – спросил Вася еще на входе.

– Какой Рыжий?

– Бродский Ося.

Ого!.. Я не был знаком с известным опальным поэтом, а тут такой представился случай!

И вот мы сидим за столом втроем – действительно рыжий Бродский, Аксенов, я, – и с нами моя прекрасная девушка Юля с попугаем на плече. Конечно, этот попугай был главным действующим лицом в тот вечер!..

Шутили, скабресничали:

– У вас что, любовь втроем?

– Нет, – отвечал я. – Он не мужик. Он импотент.

Юля краснела. Объясняла:

– Я не могла его в Москве одного оставить.

Сейчас эту ситуацию назвали бы приколом.

– А вы не боитесь, что он улетит? – спросил Бродский.

– Боюсь. Он форточку клювом все время открывает.

– А почему бы его не посадить в клетку?

Вопрос из уст Бродского, недавнего „зэка“, показался мне смешным.

– Что вы, он совершенно ручной и послушный... В клетке он только спит, а по квартире гуляет и летает как хочет. Свободная птица.

– Дайте поносить! – улыбнулся Бродский.

И попугай тотчас переключался с плеча Юли на плечо Иосифа, будущего лауреата Нобелевской премии.

Однако в тот момент он был для нас просто Рыжий.

Вася посмеивался:

– Смотри, как бы он тебя не обделал!.. А впрочем... это будет хорошая реклама Бродскому в Ленинграде!

– Мне реклама не нужна! – заявил Иосиф совершенно серьезно, и мы с Василием переглянулись.

Вот так трепались о чем угодно, только не о литературе, жрали шашлыки и слушали ресторанных лабухов. На великих людей здесь никто не смотрел, и даже гвинейский попугай не обращал на себя внимание.

А потом была волшебная белая ночь на теплоходике, прокатившем нас по Неве. Бродский оказался открытым, общительным парнем, говорившим без умолку, захлебам, подробно – о каждом доме на набережной, меня поразили эти его знания.

– Город-музей, – сказал Вася. – Здесь каждый поэт может работать экскурсоводом.

Интересно, что дружбаны-шестидесятники, на интерес и нежность которых в тот момент было любо-дорого смотреть, впоследствии, в обстоятельствах эмиграции, вдрызг рассорились, сделали литературными врагами, злыми и нетерпимыми. Их велеречивая, с подтекстами и взаимной пикировкой, американская переписка – тому грустное свидетельство. Разрушение произошло, и это факт нашей общей и довольно-таки глупой истории.

В неразберихе словесных эскапад, в нюансах изящных уколов сегодня нам видятся и слышатся два гениальных языкотворца, чье служение Литературе оказалось под влиянием всяких околотитературных интриг и слухов.

Жаль, конечно. Но тут уж ничего не поделаешь. „Милый Василий“ с „любезнейшим Иосифом“ разошлись как в море корабли. Не помог им даже гвинейский попугай»⁶.

В июле 1972 года, благодаря невероятным стараниям четы американских славистов Профферов⁷, в частности Карла Проффера, Бродский оказывается в Америке, в студенческом городке Анн-Арбор⁸ штата Мичиган⁹. Он не забывает Аксенова, подтверждением чему служит его большое вполне дружеское письмо к нему, не лишенное ностальгической тональности.

Из письма Иосифа Бродского Василию Аксенову от 28 апреля 1973 года:

«Милый Василий, я, гадам буду, ту волшебную ночь с гвинейским попугаем помню, но ни ритмической, ни просто прозой изложить этого дела не могу по причинам той же текучки или той же унылости, каковые вещи превозмогают любую географию. <...>

Что я когда-нибудь тебе письмо из Мичиганска писать буду, этого, верно, ни тебе, ни мне в голову не приходило; что есть доказательство ограниченности суммы наших двух

⁶ Розовский М. Дух юности и тайна гвинейского попугая. – В кн. «Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции», М.: Астрель, 2012, с. 23–25.

⁷ Эллендея и Карл (1938–1984) Профферы – американские профессора-слависты, создатели и руководители первого американского издательства русской литературы «Ардис». Начиная с 1971 года в «Ардисе» вышли на русском языке романы Владимира Набокова, Михаила Булгакова, Андрея Платонова, Василия Аксенова, Андрея Битова, Владимира Войновича, Фазиля Искандера, поэтические книги Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Владимира Сосноры и многих других прозаиков и поэтов, публикация которых в Советском Союзе была невозможна. См. о них: Василий Аксенов. «В поисках грустного бэби», New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 199–209.

⁸ Анн-Арбор – «Мичиганский „большой маленький городок“, город-кампус с его университетской „так-сказать-готикой“, рестораниками, лавками и копировальными мастерскими даун-тауна, ярко освещенными до глубокой ночи книжными магазинами, толпами „студяра“, запашком марихуаны, символизирующим либеральное меньшинство, и пушистыми зверьками, снующими среди поселений стабильного большинства...» – так описал его Василий Аксенов в своей книге об Америке «В поисках грустного бэби» (New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 200). Здесь располагалось издательство «Ардис».

⁹ См. книгу Эллендеи Проффер «Бродский среди нас», М.: АСТ: CORPUS, 2015.

воображений, взятых хоть вместе, хоть порознь. Как, впрочем, появление того попугая было непредсказуемо. То есть, Василий, вокруг нас знаки, которых не понимаем. Я, во всяком случае, своих не понимаю. Ни предзнаменований, ни их последствий. Жреца тоже рядом нет, чтоб объяснил. Помнишь тех людей, которые не видели попугая у меня на плече, хотя он был? Так вот, я вроде них, только на другом уровне»¹⁰.

Но прошло несколько лет. Иосиф Бродский, не в последнюю очередь благодаря самоотверженным стараниям Профферов¹¹, стал в США за это время уже достаточно влиятельным человеком во всем, что связано было с публикацией книг на русском языке, своего рода экспертом по русской литературе. И тут в его отношениях с Аксеновым произошел резкий перелом.

Причиной возникшего напряжения послужила история с аксеновским романом «Ожог». Роман, по неоднократным признаниям Аксенова, был его первым произведением, написанным совершенно свободно, без какой-либо оглядки на советскую цензуру. Он был написан еще до его отъезда из Советского Союза (авторская датировка – 1969–1975. – В. Е.), был абсолютно антисоветским, и власть, «всевидящему глазу» которой «Ожог» стал известен, страшно боялась его публикации на Западе. Боялась настолько, что Аксенов, защищая свою творческую свободу, даже мог какое-то время выдвигать определенные условия. Судя по его письму Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977 года, роман уже в это время был переправлен за границу. Как видно из того же письма, «Ожог» вызвал неприятие Бродского, выраженное при этом в разговоре с издателем «Ардиса» Карлом Проффером в весьма грубой форме¹².

Этой теме, собственно, и посвящено первое письмо Аксенова. Оно тоже еще достаточно дружеское, аксеновская интонация вполне снисходительна по отношению к более молодому литературному коллеге, но в нем уже есть следы с усилием сдерживаемой обиды. Позднее, когда Аксенов тоже окажется в эмиграции, все это приведет к полному разрыву отношений между ними.

Письмо Василия Аксенова Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977 года:

«Дорогой Иосиф! Будучи на острове, прочел твои стихи об острове¹³ и, естественно, вспомнил тебя. У меня сейчас протекает не вполне обычное путешествие, но конечно же не об этом, Джо¹⁴, я собираюсь тебе писать. Собственно говоря, не очень-то и хотелось писать, я все рассчитывал где-нибудь с тобой пересечься, в Западном ли Берлине, в Париже ли, так как разные друзья говорили, что ты где-то поблизости, но вот не удастся, и адрес твой мне неведом, и так как близко уже возвращение на родину социализма, а на островах, как ты знаешь, особенно не-<...>* делать, как только лишь качать права с бумагой, то оставляю тебе письмо в пространстве свободного мира.*

Без дальнейших прелюдий, хотел бы тебе сказать, что довольно странные получаются дела. До меня и в Москве и здесь доходят твои пренебрежительные оценки моих писаний. То отшвыривание подаренной книжки, то какое-то маловразумительное, но враждебное бормотание по поводу профферовских публикаций¹⁵. Ты бы все-таки, Ося, был бы

¹⁰ Письмо находится в архиве Василия Аксенова, хранящемся в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

¹¹ См. книгу Эллендеи Проффер «Бродский среди нас».

¹² Впоследствии, в письме от 28 октября 1984 года, Бродский вынужден был признать это. «Я сожалею о тоне моего отзыва Карлу Профферу об „Ожоге“», – читаем в его письме Аксенову.

¹³ Цикл стихотворений «В Англии» (1977): «Всякий живущий на острове догадывается, что рано /или поздно все это кончается, что вода из-под крана...» («IV. Ист Финчли»).

¹⁴ Уменьшительное от Joseph (имя Бродского по-английски).

¹⁵ Карл и Эллендеа Профферы – см. выше.

поаккуратнее в своих мегаломанических¹⁶ капризах. Настоящий гордый мегаломан, тому примеров передо мной много, достаточно сдержан и даже великодушен к товарищам. Может быть, ты все же не настоящий? Может быть, тебе стоит подумать о себе и с этой точки зрения? Может быть, тебе стоит подумать иногда и о своих товарищах по литературе, бывших или настоящих, это уж на твое усмотрение?

Народ говорит, что ты стал влиятельной фигурой в американском литературном мире. Дай Бог тебе всяких благ, но и с влиянием-то надо поэту обращаться, на мой взгляд, по-человечески. Между тем твою статью о Белле в бабском журнале¹⁷ я читал не без легкого отвращения. Зачем так уж обнаженно сводить старые счеты с Евтухом и Андрюшкой? Потом дошло до меня, что ты и к героине-то своей заметки относишься пренебрежительно, а хвалил ее (все это передается вроде бы с твоих собственных слов) только лишь потому, что этого хотел щедрый заказчик. Думаю, не стоит объяснять, что я на твои „влияния“ просто положил и никогда не стал бы тебе писать, ища благоволения. И совсем не потому, что ты „подрываешь мне коммерцию“, я начинаю здесь речь о твоей оценке.

В сентябре в Москве Нэнси Мейселас¹⁸ сказала мне, что ты читаешь для Farrar Straus & Giroux¹⁹. До этого я уже знал, что какой-то м<->, переводчик Войновича, завернул книгу в Random House²⁰. В ноябре в Западном Берлине я встретился с Эмкой Коржавиным, и он мне рассказал, что хер этот, то ли Лурье, то ли Лоренс – не запомнил, – так зачитался настоящей диссидентской прозой, что и одолеть „Ожог“ не сумел, а попросил Эмкину дочку прочесть и рассказать ему, „чем там кончилось“. И наконец, там же, в Берлине, я говорил по телефону с Карлом²¹, и он передал мне твои слова: „«Ожог» – это полное говно“. Я сначала было и не совсем поверил (хотя, учитывая выше сказанное, и не совсем не поверил) – ну, мало ли что, не понравилось Иосифу, не согласен, ущемлен „греком из петербургской Иудеи“²², раздражен, взбешен, разочарован, наконец, но – „полное говно“ – такое совершенное литературоведение! В скором времени, однако, пришло письмо от адвоката, в котором он мягко сообщил, что Нэнси полагает „Ожог“ слабее других моих вещей. Тогда я понял, что это ты, Джо, сделал свой job²³.

„Ожог“ для меня пока самая главная книга, в ней собран нравственный, и мыслительный, и поэтический, и профессиональный потенциал за очень многие годы, и потому мне следует высказать тебе хотя бы как оценщику несколько соображений.

Прежде всего: в России эту книгу читали около 50 так или иначе близких мне людей²⁴. Будем считать, что они не глупее тебя. Почему бы нам считать их глупее тебя, меня или какого-нибудь задроченного Random House?

¹⁶ Проявление мании величия.

¹⁷ В американском журнале женской моды «Vogue», № 7, July 1977. P. 112. – «Why Russian Poets» («Зачем российские поэты?»). Там Бродский, в частности, отмечал: «...достаточно сказать, что Ахмадулина куда более сильный поэт, нежели двое ее знаменитых соотечественников – Евтушенко и Вознесенский. Ее стихи, в отличие от первого, не банальны, и они менее претенциозны, нежели у второго». Не могло, по-видимому, устроить Аксенова и следующее место из статьи Бродского: «Несомненная наследница лермонтовско-пастернаковской линии в русской поэзии, Ахмадулина по природе поэт довольно нарциссический».

¹⁸ Нэнси Майселас – редактор в издательстве «Farrar, Straus and Giroux».

¹⁹ Известное, быть может, самое изысканное литературное издательство в Нью-Йорке, основанное в 1946 году Роджером Страусом. Иосиф Бродский пользовался особым расположением Страуса и имел в его глазах непререкаемый авторитет.

²⁰ Большое нью-йоркское издательство.

²¹ Проффером.

²² Имеется в виду строка из стихотворного текста в «Ожоге» (глава «Сон в летнюю ночь») – Бродский, не желая эмигрировать в Израиль, указывал на якобы греческое происхождение.

²³ Работа (англ.).

²⁴ См., в частности, ниже письмо Михаила Рощина Василию Аксенову.

Из этих пятидесяти один лишь Найман отозвался об „Ожоге“ не вполне одобрительно, но и он был весьма далек от твоей тотальности. Остальные высоко оценили книгу и даже высказывали некоторые определения, повторить которые мне мешают гордость, сдержанность и великодушие, т. е. качества, предложенные тебе в начале этого письма, бэби.

С трудом, но все-таки допускаю, что ты ни шиша не понял в книге. Мегаломаническое токование оглушает. Сейчас задним числом вспоминаю твои суждения о разных прозах в Мичигане, с которыми спорить тогда не хотел просто потому, что радовался тебя видеть. Допускаю подобную глупую гадость по отношению к врагу, само существование которого ослепляет и затуманивает мозги, но ведь мы всегда были с тобой добрыми товарищами. Наглости подобной не допускаю, не допустил бы даже и у Бунина, у Набокова, а ведь ты, Иосиф, ни тот ни другой.

Так как ты еще не написал и половины „Ожога“ и так как я старше тебя на восемь лет, беру на себя смелость дать тебе совет. Сейчас в мире идет очень серьезная борьба за корону русской прозы. Я в ней не участвую. Смеюсь со стороны. Люблю всех хороших, всегда их хвалю, аплодирую. Корона русской поэзии, по утверждению представителя двора в Москве М. Козакова, давно уже на достойнейшей голове. Сиди в ней спокойно, не шевелись, не будь смешным или сбрось ее на <->. „Русская литература родилась под звездой скандала“, – сказал Мандельштам. Постарался бы ты хотя бы не быть источником мусорных самумов.

Заканчиваю это письмо, пораженный, в какую чушь могут вылиться наши многолетние добрые отношения. Вспомни о прогулке с попугаем и постарайся подумать о том, что в той ночи жила не только твоя судьба, но и моя, и М. Розовского, и девочек, которые с нами были, и самого попугая²⁵.

*Бог тебя храни, Ося!
Обнимаю, Василий»²⁶.*

В уже упомянутой нами книге Эллендея Проффер отмечает, что и отношения Профферов с Бродским по мере его литературного возвышения существенно менялись. Порой сквозь его прежнее обаяние проступали напористая самоуверенность и нетерпимость. Именно эти качества своего бывшего друга Василий Аксенов охарактеризовал в процитированном письме как мегаломанию.

Кстати, именно из-за Василия Аксенова, популярность которого в Советском Союзе мемуаристка сравнивает с популярностью в Штатах «Манхэттена» Дос Пассоса или «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, произошел первый серьезный кризис и в их отношениях с Бродским.

Из книги Эллендея Проффер «Бродский среди нас»:

«В это время Иосиф был в Нью-Йорке, и однажды кто-то в издательстве „Фаррар, Страус энд Жиру“ попросил его прочесть рукопись аксеновского романа и дать отзыв. Через несколько дней Иосиф позвонил Карлу и похвастался, что сделал для них доброе дело. (Я работала в кабинете Карла и слышала его часть диалога.)

– Я сказал им, что роман говно, – с гордостью сообщил Иосиф.

²⁵ См. выше извлечение из воспоминаний Марка Розовского.

²⁶ Василий Аксенов. Ловите голубиную почту... Письма (1940–1990 гг.), М.: АСТ, с. 283–287.

Тут Карл, всегда старавшийся отнестись с пониманием к поэтическим завихрениям, не выдержал и отчитал Иосифа. Иосиф, рассерженный и в недоумении, спросил, как ему надо было поступить.

Карл сказал, что он должен был отказаться, сославшись на то, что Аксенов его друг. Иосиф стал оправдываться. Не такой уж близкий друг, книга плохая и т. д.

Карл, прекрасно помня, скольким второсортным авторам Иосиф писал отзывы для обложки и помогал издаться, не захотел заканчивать разговор на любезной ноте.

– Я должен сказать об этом Васе, – сказал Карл. – Вы разрушаете ему карьеру, а он об этом не знает – он думает, что вы друг.

– Иосиф как будто не понял, что он сделал, как это было нечестно, – сказал мне Карл. А я ответила:

– Так ему удобнее.

Это был критический момент в нашей дружбе с Иосифом: он вполне мог разозлиться на Карла, и это было бы очень печально – мы столько друг для друга значили. Но Карл не испытывал сожалений»²⁷.

Но возвратимся к письму Аксенова. Кто эти упоминаемые им 50 человек, одобвивших «Ожог», нам уже не установить, но одно имя известно: это знаменитый прозаик и драматург Михаил Рошин, далеко-далеко не из последних писателей-современников Аксенова.

Из письма Михаила Рошина Василию Аксенову от 11 июля 1977 года:

*«Дорогой Василий Палыч! Я провел с Вами четыре дня, и чувствую, вынужден обратиться к забытому эпистолярному жанру, чтобы что-то выразить, сформулировать и сказать Вам, как Другу, как Писателю слова радости, <...> моя радость такая, будто это я сам написал, понимаешь, про себя и **своими** словами. Помимо правды, испытываешь все время еще и художественное наслаждение, профессиональное, как ты, собака, щедр, как богат, жменями рассыпаешь, слова ставишь прекрасно, фраза все время льется, как лимфа, живая-преживая, и в иных местах слезы наворачиваются от счастья, что человек ТАК пишет среди нашего литературного лесоповала. Ты всегда был поэтом, и здесь поэзия прозы освободилась и расковалась так же, как твоя душа, – я просто вижу, как ты писал и сам смеялся и сам дивился кое-чему, что вылетало вроде бы вдруг из-под пера. Хорошо, хорошо... А какая фантазия, хулиганство, игра „Зарница“, как охерительно написана Москва, пьянка, бабы, дети подземелья, – ну, что говорить, мне пришлось бы сейчас все перелистывать заново и останавливаться на каждом куске. Не с кем, зараза, посмаковать и посмеяться! Про Машкин калифорнийский узел, про Хвостищева, про Вляйзера, про вашего друга Вадима Николаевича.*

<...> Ну ладно, это все херня, оценки и выкладки, ты сам все знаешь лучше всех, и замечателен, о чем я только и хотел сказать, сам факт, случай с товарищем Аксеновым, и спасибо Русской Литературе, а также Михаилу Афанасьевичам, разным Исаичам, Борисам, Осипам, Маринам и Аннам, а также даже всяким Дуче, и нашей Казани 1933 года, и нашему подземельному детству и нашей подпольной родине, подпольной стране, которую все никак не превратят в образцовую. Превратим Перовский район в образцовский! Превратим Родину в красную смородину! в черную смородину!

Словом, спасибо. Но... тебе, конечно, не поздоровится, я думаю, ты к этому готов, после такой книги что уж в какие-то игры играть, мосты наводить, смешно. Да и наш простой советский читатель разорвал бы тебя в клочки, дай ему тебя обсудить! Но это

²⁷ Эллендея Проффер. «Бродский среди нас», с. 147–149. «Не испытывал сожалений», то есть был готов к разрыву.

все уже относится к биографии книги, а не к факту ее рождения. Посмотрим. (Хотя не нужно быть оракулом, чтобы...) <...>»²⁸.

Таким образом, из приведенного письма Василия Аксенова следует, что отрицательный отзыв Бродского об «Ожоге» был получен издательством «Farrar Straus & Giroux» в 1977 году и разговор Аксенова с Карлом Проффером, о котором упоминается в приведенном нами фрагменте воспоминаний Эллендеи Проффер, состоялся в том же году. И тут возникает вопрос. Почему Эллендея относит эти факты к 1980 году? Вероятнее всего, это сбой памяти.

Правда, такую же в таком случае ошибку допускает и Зоя Богуславская, любезно предоставившая в мое распоряжение отрывок своих воспоминаний, относящийся к ее пребыванию в Вашингтоне в этот драматический для Василия Аксенова момент.

Из воспоминаний Зои Богуславской:

«— Зятя, ты не поверишь, какой удар я сегодня получил, — наливаясь краской от гнева, взрывается Василий, — это просто невозможно! Какая-то околесица.

Он берет себя в руки, закуривает.

— В это невозможно поверить. Оказывается, „Ожог“ попал на отзыв к Иосифу. Я был счастлив. Он-то, как никто другой, понимает, что значит для меня эта публикация. Вся жизнь перевернулась. <...> В моей голове не укладывалось, как мог он так иезуитски топить меня. Он же хорошо понимает трагичность ситуации, причины, вынудившие меня бросить Москву»²⁹.

А может быть, Зоя Борисовна тоже ошибается, имея в виду другую встречу с Аксеновым, ведь и он, и она бывали в Штатах и до 1980 года?

В противоречии с сообщениями обеих мемуаристок находится отрывок из записей Майи Аксеновой, сделанный по прибытии в Америку и имеющий, что весьма важно, точную дату.

Из записей Майи Аксеновой:

«1980

10 сентября прилетели из Милана в Н.-Й.

Десять дней жили в Н.-Й. вместе с Васей, Аленой³⁰, Виталием³¹. Виделись с Бродским. Я раньше с ним никогда не встречалась, а Вася увидел его впервые после ссоры³². Живет он в страшной квартире, что-то вроде подвала, но с выходом в маленький садик, — берлога гения. Чувствует себя неважно, но бутылка виски стоит рядом с ним, и он понемногу потягивает. Курит, пьет кофе. Был очень внимателен, подробно старался объяснить, как надо вести дела, какие нужны документы, где лучше преподавать. Сам он числится в Мичиганском университете, но жить там не хочет. Любит Н.-Й., и Мичиган для него тяжелая нагрузка. Последние годы проводит там только один семестр»³³.

Значит, вопреки сообщениям Эллендеи Проффер и Зои Богуславской, разлад между Аксеновым и Бродским был в этот момент преодолен. И Аксенов, видимо, все-таки наде-

²⁸ Василий Аксенов. Ловите голубиную почту... Письма (1940–1990 гг.), с. 321–323

²⁹ Есипов В. О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским – в журнале «Вопросы литературы», № 3, 2013, с. 462.

³⁰ Дочь Майи Аксеновой от первого брака.

³¹ Зять Майи.

³² В связи с отрицательным отзывом Бродского о романе «Ожог».

³³ Василий Аксенов. Ловите голубиную почту... Письма (1940–1990 гг.), с. 272.

ялся на благоприятный исход переговоров с известным издательством. Но его надежды не оправдались. Он еще не создал себе имя у американского читателя, и у него еще не было влиятельных американских друзей, которые могли бы изменить в его пользу мнение издательства Farrar Straus & Giroux, созданное отрицательным отзывом Бродского три года назад. Вероятно, и в 1980 году то, что «*Джон, сделал свой job*» в 1977 году, сохраняло свою силу. А может быть, Бродский вновь подтвердил свою прежнюю оценку?

Так ли это было на самом деле или иначе, ответить сегодня некому...

Аксенов с семьей вылетел из Москвы 22 июля 1980 года. Накануне отъезда в эмиграцию на него было совершено покушение, когда он вместе с женой Майей на машине возвращался из Казани, куда ездил проститься с отцом.

И вот, когда он оказался на Западе и затем был лишен советского гражданства, сам Бог, как говорится, велел ему напечатать «Ожог». Но тут случилось неожиданное: американское издательство отказалось печатать роман советского эмигранта, запрещенный в Советском Союзе.

Неудача с публикацией «Ожога» на английском языке была для Аксенова тяжелым ударом.

Как пишет Эллендея Проффер, в эмиграции Аксенова и его жену без публикаций на английском языке ожидала бедность, и поэтому Карл считал, что он должен преподавать. Так Аксенов стал американским профессором, преподавателем русской литературы в различных университетах.

По мнению Анатолия Гладилина, которое он высказал в 2011 году, когда я только начал заниматься американским архивом Василия Аксенова, Бродский своим отрицательным отзывом нарушил негласное правило, существовавшее в эмигрантской среде: произведения авторов, которые подверглись в СССР преследованию, печатать безоговорочно, невзирая ни на какие привходящие обстоятельства.

Еще раньше, в своей книге 2008 года, Анатолий Гладилин, вспоминая о Бродском, привел любопытную выдержку из письма Сергея Довлатова, с которым состоял в переписке. Довлатов объяснял в нем, почему так называемых шестидесятников, оказавшихся в эмиграции, бывшие соотечественники встречали порой не очень дружелюбно.

Из письма Сергея Довлатова Анатолию Гладилину:

«Они самоутверждаются. Их отношение к вам подкрашено социальным чувством... Огрубленно – содержание этого чувства таково: „Ты Гладилин, знаменитость. С Евтушенко выпивал. Кучу денег зарабатывал. Жил с актрисами и балеринами. Сиял и блаженствовал. А мы копошились в говне. За это мы тебе покажем“. Я не из Риги, я из Ленинграда (кто-то остроумно назвал Ленинград столицей русской провинции). Но и я так думаю. Или – почти так. И ненавижу себя за эти чувства.

Поразительно, что и Бродский, фигура огромная, тоже этим затронут. Достаточно увидеть его с Аксеновым. Все те же комплексы. Чувство мальчика без штанов по отношению к мальчику в штанах, хотя, казалось бы, Иосиф так знаменит, так прекрасен... А подобреть не может» (выделено мной. – В. Е.).³⁴

Однако позднее Анатолий Гладилин изменил свою позицию.

29 октября 2012 года в «Российской газете» № 249 (59²²) было опубликовано его интервью (в связи с предстоящим вечером памяти Василия Аксенова в ЦДЛ), которое поразило меня утверждением, что никакого конфликта между Василием Аксеновым и Иосифом Бродским не было. Анатолий Гладилин будто не читал впервые опубликованного мною в 2011

³⁴ Гладилин А. Т. Улица генералов. Попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008, с. 67–68.

году в журнале «Вопросы литературы» (вып. 5) письма Василия Аксенова Иосифу Бродскому, другого, не того, которое процитировано выше, а того, что будет приведено чуть позже.

Ближайший друг Аксенова словно позабыл об аксеновском романе «Скажи изюм», где хотя конфликт этот и отображен средствами художественными, но суть дела обозначена четко и ясно.

Я оспорил это мнение давнего аксеновского друга.

Из моей реплики «О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским»:

«Думается, им (Анатолием Гладилиным. – В. Е.) руководило благородное в основе своей помышление: ему до сих пор больно сознавать, что отношения двух его давних товарищей (а для Аксенова, как мы уже упомянули, он всю жизнь был ближайшим другом) стали враждебными. Хотя, казалось бы, где, как не в эмиграции, соотечественники должны были бы стоять стеной друг за друга!

И вот Гладилин, видимо, захотел приукрасить суровую правду этой драмы.

Признаюсь, что я тоже (и, как я уверен, большинство читателей моей заметки) очень сожалею о том, что отношения между Аксеновым и Бродским в эмиграции сложились так, как они сложились. Но всем нам следует понимать: это уже не частное дело Гладилина, Аксенова или Бродского – это уже история нашей литературы, которую будут изучать последующие поколения. А история литературы какая-никакая все-таки наука, и потому вопросы, относящиеся к ней, должны рассматриваться на основании документов, проверенных фактов и надежных свидетельств, а не на основании голословных умозаключений, каким бы уважаемым человеком эти умозаключения ни делались»³⁵.

Роман «Скажи изюм» («Ардис», 1985) упомянут в моем ответе Анатолию Гладилину в связи с тем, что в нем описана история с «Ожогом». Герой романа, известный фотограф Максим Огородников, имеет много общего с самим Аксеновым, а под именем его антагониста Алика Конского выведен Иосиф Бродский. Вместо романа «Ожог» речь там идет о фотоальбоме Огородникова «Щепки», печатать который отказывается президент американского издательства «Фараон» Даглас Семигорски. Отказ издательства вызван уничижительным отзывом Алика Конского, старого друга Огородникова. Отзыв этот дословно совпадает со словами Бродского, сказанными Карлу Профферу.

После появления в печати романа «Скажи изюм» вся эта история с «Ожогом» стала предметом обсуждений, толков, слухов и домыслов в литературной среде, как в эмиграции, так и в России (в середине восьмидесятых зарубежные издания на русском языке все в чаще пересекали государственную границу Советского Союза).

Но художественное произведение есть художественное произведение, а подлинные обстоятельства произошедшего оставались неизвестными до публикации аксеновских писем.

Второе письмо Бродского Аксенову было написано спустя семь лет, после его отрицательного отзыва об «Ожоге», 28 октября 1984 года. В нем он сообщал Аксенову, что встретился с Эллендеей Проффер в Анн-Арборе и узнал от нее, что Аксенов считает его «своим большим недругом», человеком, «задержавшим его карьеру на Западе на три года». И Бродский в этом письме попытался не то чтобы оправдаться (виноватым он себя не считал), но разъяснить свою позицию. Ему претило, что кто-то считает его убежденным недоброжелателем. Письмо возмутило Аксенова, его ответ был очень резким. Это был полный разрыв.

³⁵ Есипов В. О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским, с. 462–463.

Письмо Василия Аксенова Иосифу Бродскому от 7 ноября 1984 года:

«Любезнейший Иосиф!

Получил твоё письмо. Вижу, что ты со времен нашей парижской переписки осенью 1977 года мало в чём прибавил, разве что, прости, в наглости. Ты говоришь о вымышленных тобой предметах с какой-то априорной высоты – о каких-то идиотских „квотах“³⁶ для русской литературы в Америке (кстати, для какой же книги ты расчищал дорогу в рамках этой „квоты“?), о „профессиональной неуверенности“, о „крахе“, выражаешь тревогу по поводу моей „литературной судьбы“³⁷. Помилуй, любезнейший, ведь ты же пишешь не одному из своих „группы“, а одному из тех, кто не так уж высоко тебя ставит как поэта и еще ниже как знатока литературы.

Если же вспомнить о внелитературных привязанностях – Петербург, молодые годы, выпитые вместе поллитры и тот же попугай гвинейский³⁸, много раз помянутый, – то моя к тебе давно уж испарилась при беглых встречах с примерами твоей (не только в отношении меня) наглости.

Не очень-то понимаю, чем вызвано это письмо. Как будто ты до недавнего разговора с Эллендеей не знал, что я думаю о твоей в отношении моего романа активности или, если принять во внимание твои отговорки, твоей „неофициальной активности“.

Перекидка на какого-то „Барыша“³⁹ (с трудом догадался, что речь идет о Барышникове) звучит вполне дико.

Что за вздор ты несешь о своих хлопотах за меня в Колумбийском университете? Я сам из-за нежелания жить в Нью-Йорке отказался от их предложения, которое они мне сделали не только без твоего попечительства, но и вопреки маленькому дерьмецу, которое ты им про меня подбросил. Среда, в которой мы находимся и в которой, увы, мне иногда приходится с тобой соприкасаться, довольно тесная – все постепенно выясняется, а то, что еще не выяснено, будет выяснено позже, но мне на это в высшей степени наплевать.

У Майи⁴⁰ к тебе нет никакого особого предубеждения, за исключением только того, что всякая женщина испытывает в адрес персоны, сделавшей ее близкому пакость. ОК, будем считать небольшую пакость.

³⁶ Объясняя причину своего отрицательного отзыва об «Ожоге», Бродский писал в упомянутом письме: «Единственный повод у тебя иметь на меня зуб – это та история с „Ожогом“, хотя и это, с моей точки зрения, поводом быть не может, во всяком случае, не должно. Думаю, и тебе нравится далеко не все из того, что тебе доводилось читать, кем бы это ни было написано. Дело, разумеется, в обстоятельствах и в тех, в чьем присутствии человек выражает свое мнение. Но даже если бы меня и официально попросили бы высказать свое, я бы сказал то, что думаю. Особенно учитывая обстоятельства, т. е. тот факт, что русская литература здесь, в Штатах, существует примерно на тех же правах нац. меньшинства, что и штатская литература – в отечестве. Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать „Ожог“ к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно: именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться».

³⁷ Аксенов имеет в виду следующее место из письма Бродского: «Даже если учесть, что мое отношение к „Ожогу“ не изменилось, даже если добавить к этому, что я и от „Острова“ не в восторге, у тебя нет никаких оснований для тех умозаключений, которые ты изложил Эллендее. Если говорить о чувстве, которое твоя литературная судьба (карьера, если угодно) у меня вызывает, то это, скорее всего, тревога, которую разделял и Карл (Проффер. – В. Е.)». И еще это: «Подобные предположения, как правило, являются результатом профессиональной неуверенности в себе – но у тебя для этого, по моему, оснований не имеется – или нежеланием признаться себе в том или ином крахе».

³⁸ У Бродского в письме читаем: «Повторяю, мое отношение к тебе не изменилось ни на йоту с той белой ночи с попугаем». См. выше извлечение из воспоминаний Марка Розовского.

³⁹ Барышников упоминается Бродским в следующем контексте: «Я попросил дать мне почитать („Ожог“ – В. Е.), что она и сделала. Я унес его домой и вернул через месяц (я давал его почитать Барышу), сказав, что: а) мне сильно не понравилось и б) что это всего лишь мое частное, возможно, предвзятое мнение. На это Нэнси ответила, что да, они это отдали на рецензию какому-то профессору из славистов».

⁴⁰ В своем письме Бродский написал: «Я понятия не имею, откуда у тебя это убеждение, будто я ставлю тебе палки в колеса. Милка (Лось, советская эмигрантка, бывшая жена драматурга Юлия Эддиса. – В. Е.), и я уже не помню, кто еще, приписывает это влиянию Майи. Я в это не очень верю, хотя, по правде сказать, особенно не задумывался».

Твоя оценочная деятельность, Иосиф (как в рамках этой твоей „квоты“, так и за ее пределами), меня всегда при случайных с ней встречах восхищает своим глухотным вздором. Подумал бы ты лучше о своем собственном шарабанае, что буксует уже много лет с унылым скрипом. Ведь ты же далеко не гигант ни русской, ни английской словесности⁴¹.

Я этого маленького нью-йоркского секрета стараюсь не разглашать и никогда ни в одном издательстве еще не выразил своего мнения о твоих поэмах или о несусветном сочинении „Мрамор“⁴². Уклоняюсь, хотя бы потому, что мы с тобой такие сильные получились не-друзья.

Всего хорошего.

Ты бы лучше не ссылался на Карла. Я тоже с ним беседовал о современной литературе и хорошо помню, что он говорил и что он писал»⁴³.

Прочитав это письмо, Бенедикт Сарнов откликнулся на него статьей, в которой содержится неожиданный на первый взгляд вывод: и в эмиграции перед писателем, желающим опубликовать свое сочинение, нередко воздвигаются такие же препоны, как и в социалистическом отечестве, правда, причинами этого становятся не идеологические соображения, а соображения сугубо личные.

Из статьи Бенедикта Сарнова:

«Коллизия эта (конфликт Аксенова с Бродским. – В. Е.) в свое время стала одним из сюжетных мотивов романа Аксенова „Скажи изюм“. И читателям, сразу узнавшим прототипов тех, легко узнаваемых аксеновских персонажей (особенно одного из них), вполне могло показаться, – а многим наверняка и показалось, – что продиктована она была только лишь личной обидой, неудержимым стремлением автора хотя бы вот так, на бумаге, свести счеты с бывшим товарищем, нанеся ему неожиданный предательский удар в спину.

На самом деле это было, конечно, не так.

<...> Тот факт, что Бродский не только не способствовал опубликованию аксеновского „Ожога“, но даже препятствовал его появлению на свет, по сути „торпедировал“ его, как сказано в романе („Скажи изюм,„. – В. Е.), не отрицает и сам Бродский.

<...> По сути дела он даже не отрицает, что, отзываясь о романе в разговоре с Карлом Проффером, выразился о нем в неподобающем тоне: „Содержание той короткой беседы было кратким, и оно тебе известно. Я сожалею о тоне моего отзыва Карлу об «Ожоге», но существо дела это не меняет“.

<...> Отрицает Бродский только одно: что высказанное им нескольким издателям его резко отрицательное мнение об аксеновском „Ожоге“ было официальным. Нет-нет! Это было сугубо частное, приватное его мнение, возможно, даже предвзятое.

При этом, однако, он тут же замечает: „Но даже если бы меня и официально попросили бы высказать свое мнение, я бы сказал то, что думаю...“

И в другом месте того же письма: „Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать „Ожог“ к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже луч-

⁴¹ Весь тон письма, особенно это место, чрезвычайно нехарактерны для Аксенова, умевшего быть снисходительным и терпимым. Настолько велика была его обида на бывшего друга. Как рассказал Анатолий Гладилин, когда Бродский умер, Аксенов был глубоко потрясен его кончиной. Конечно же он знал ему истинную цену.

⁴² «Мрамор» действительно вряд ли можно отнести к творческим удачам Бродского.

⁴³ Василий Аксенов. Ловите голубиную почту... Письма (1940–1990 гг.), с. 287–289.

шую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться“.

Объяснение весьма туманное. Какая квота? О чем это он?

Отчасти это объясняет такая – тоже не слишком внятная – фраза из того же письма: „...русская литература здесь, в Штатах, существует примерно на тех же правах нац. меньшинств, что и штатская литература – в отечестве“.

В общем, торпедировал он роман из самых лучших побуждений, чтобы не уронить престиж русской литературы в Америке.

Но ведь и те, кто там, на родине, не давали пропуску их книгам и жестко преследовали их самих, тоже уверяли, что действуют так, руководствуясь не какими-нибудь там низменными, а высокими, государственными соображениями.

<...> Казалось бы, какая тут может быть аналогия?

В отечестве, которое они, Аксенов и Бродский, покинули (вернее, из которого их выпихнули), это непробиваемая, давно сложившаяся система, за которой вся мощь могущественной ядерной державы, обеспечивающей незыблемость государственной идеологии всеми имеющимися в ее распоряжении силовыми способами и не жалеющей на это никаких затрат. А тут, на вольном Западе, не более чем каприз, причуда объевшегося славой гения, будущего нобелиата. Не система, а частный и, скорее всего, совсем нетипичный случай. Казус...

Отчасти, может, оно и так.

Но что-то уж больно много на моей памяти таких „казусов“»⁴⁴.

Не так давно, в феврале 2015 года, тема рассматриваемого нами конфликта снова вернулась в Америку, на радио «Свобода»: в передаче «Диалог на Бродвее» ее обсуждали Соломон Волков и Александр Генис. При этом, отмечу, мнение Соломона Волкова почти совпадает с оценкой ситуации Карлом Проффером (см. выше).

Из передачи «Диалог на Бродвее»:

«Александр Генис: ...недавно в мои руки попала книга, посвященная Аксенову, она вышла некоторое время назад и называется так: „Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции“. (Здесь обыгрывается название популярного у шестидесятников рассказа британского автора Алана Силлитоу.)

Несмотря на то что я сам являюсь одним из авторов этого сборника, я ее только сейчас увидел. Среди прочего там рассказывается очень драматическая история, связанная с книгой Аксенова „Ожог“. Роман „Ожог“ Аксенов закончил 40 лет назад (отсюда и юбилей), в 1975 году и напечатал только на Западе. Эта книга была для него решающей, именно с ней он приехал в Америку. Об этом сегодня имеет смысл вспомнить в связи с публикацией переписки Аксенова и Бродского, вошедшей в сборник воспоминаний об Аксенове, о котором я только говорил. Но об этом казусе я хочу, чтобы рассказали вы.

Соломон Волков: Я внимательно прочел эту переписку, и она мне показалась по многим причинам чрезвычайно любопытной. Во-первых, публикация переписки писателей современных, к которым мы относим и Аксенова, и Бродского, – это вещь редкая пока что еще.

<...>

Тут дополнительный интерес этого в том, что переписка эта очень откровенная, как я считаю, с обеих сторон, а со стороны Аксенова, я бы даже сказал, шокирующая. Во

⁴⁴ Сарнов Б. Капля крови, взятая на анализ. По поводу переписки В. Аксенова с И. Бродским и В. Максимовым – в журнале «Вопросы литературы», № 5, 2011.

многих смыслах, она высвечивает и то, что мы называем персоналии, то есть личности и одного и другого, и ту очень непростую, я бы сказал, драматичную коллизию, которая между ними сложилась. Мы с вами, разумеется, об этом знали и до того, как эти письма увидели, потому что с Бродским об Аксенове я как раз специально не говорил, но отношение Аксенова к Бродскому для меня отнюдь не было секретом. Аксенов говорил мне много и очень с большой горечью об отношениях с Бродским.

Александр Генис: Давайте объясним, в чем коллизия. Дело в том, что Аксенов приехал с романом „Ожог“ как с заявкой на большую американскую славу. Я знаю об этом еще и потому, что я встречал Аксенова, когда он приехал в Америку в 1980 году. Мы были все в аэропорту Кеннеди, Довлатов, Вайль, я⁴⁵. Мы все приехали в Манхэттен на нашей машине. Аксенов с одним чемоданчиком⁴⁶ вышел из самолета, он знал, что вся жизнь была еще впереди. Залогом этой новой жизни был роман „Ожог“.

Еще заранее он прислал нам с Петей⁴⁷ рукопись романа, чтобы мы ее прочли и написали о книге до того, к выходу этой книги в свет. Мы читали роман „Ожог“ в рукописи, у меня до сих пор хранится кусок романа, который не вошел в окончательный вариант, до сих пор я держу на случай издания полного собрания сочинений Аксенова этот фрагмент, очень странный эпизод страниц на восемьдесят.

Надо сказать, что мы ждали Аксенова как человека, который должен возглавить нашу эмигрантскую литературу. Потому что, по нашим представлениям, королем поэзии был, конечно, Бродский, ну а кто был королем прозы? Солженицын на эту роль не годился, потому что он никогда не признавал эмигрантскую литературу, поэтому он был тузом. Но он был тузом, который находился в Вермонте, и, может быть, это даже был не туз, а джокер, потому что он не входил в колоду. Зато мы думали, что Бродский и Аксенов вместе возглавят русскую литературу в изгнании, и будет все замечательно. Знаете, как дети говорят: почему бы Толстому и Достоевскому не пришло в голову вместе сочинить что-нибудь?

Жизнь оказалась не так построена, как мы хотели. Аксенов рассчитывал на то, что Бродский порекомендует „Ожог“ своему издательству, чего Аксенов ждал естественным образом от Бродского как младшего товарища по перу, Аксенов-то был старшим.

Соломон Волков: Но не по эмиграции в этот момент.

Александр Генис: Во всяком случае Аксенов надеялся, что Бродский ему обязательно поможет, чего Бродский не сделал. И не сделал по одной простой причине: ему не понравился „Ожог“.

Соломон Волков: Вы знаете, отзыв Бродского, который запечатлен и в письмах Аксенова, я даже не знаю, можем ли мы его озвучить, потому что он сказал: „Ожог“ – это дерьмо, хотя употреблено было совсем другое слово. Но вы знаете, пожалуй, что я попробую прочесть какие-то отрывки из письма Аксенова Бродскому. Надо учесть, что, когда Аксенов был еще в Советском Союзе, он уже узнал об отзыве Бродского. <...>

⁴⁵ Члены редакции газеты «Новый американец».

⁴⁶ Это, конечно, художественное преувеличение. Аксенов прилетел с семьей, и единственный чемоданчик в руках означал, что они еще не получили багаж.

⁴⁷ Вайль.

Александр Генис: *Да, это, конечно, письмо обиженного человека. Аксенов никогда не простил Бродскому того, что Бродскому не понравилась его книга, и он об этом сказал. Вы знаете, я никогда об этом не говорил с Бродским, но я не раз об этом говорил с Лосевым, с другом Бродского, который знал Бродского лучше, чем сам Бродский. Лосев мне говорил об этом так: Аксенов не мог себе представить, что существуют нецеховые интересы, что Бродскому просто не нравится эта проза и он не хочет ее рекомендовать, потому что он считает, что незачем это делать. Вот эта простая мысль Аксенову в голову прийти не могла. Мне кажется, что это правдоподобная версия. А вам?*

Соломон Волков: *Я хотел бы процитировать ответ Бродского на это письмо, этот ответ очень показателен, потому что Бродский здесь пытается оправдаться. Мне кажется, что это оправдание получилось не слишком убедительным и, вместо того чтобы извинить Бродского, мне кажется, усугубляет в каком-то смысле его вину. Дело вот в чем: да, хорошо, его личные вкусы, он на них имел полное право, ему роман Аксенова, как мы знаем, не понравился. Но Аксенов в письме к Бродскому настаивает на том, что „Ожог“ „для меня пока самая главная книга, в ней собран нравственный, и этический, и поэтический, и профессиональный потенциал за очень многие годы“. То есть он считал „Ожог“ к тому времени своим самым большим достижением.*

Александр Генис: *Это бесспорно, на тот момент для него это была главная книга.*

Соломон Волков: *Для него отрицательное мнение Бродского было шоком. Но вдобавок к этому у Аксенова существовало некое представление о коллективной этике, при которой мы все в одной лодке, и если кого-то из нее пытаться выбросить на плаву, то это неэтично. Вот что отвечает Бродский на этот счет: „Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать «Ожог» к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы – следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться».*

Я не думаю, что аргументация Бродского здесь убедительна. Он должен был бы, если говорить по совести, сказать: да, мне не понравилась книга, и все тут. Он же оправдывает это некоей литературной политикой. Вы сказали, что он исходил сугубо из вкусовых соображений – не понравилась книга, и все, но тогда надо было так и написать, а не аргументировать это тем, что из-за того, что появится «Ожог», труднее будет напечатать какую-то русскую книгу – это неправда кроме всего прочего (выделено мною. – В. Е.).

Александр Генис: *Я совершенно согласен с вами, что это отговорка. Но не надо забывать и другого. Дело в том, что Бродский был очень отзывчив. Скажем, Солженицын никогда никому из русских писателей в Америке не помог, а Бродский помог очень многим, он помог Довлатову, он помог Татьяне Толстой, он помог Алешковскому, он помог многим писателям, которые ему нравились. Более того, Бродский часто писал предисловия к сборникам поэтов. Однажды он даже сказал: „Меня так мало интересуют чужие стишки⁴⁸, что я уж лучше скажу о них что-нибудь хорошее“. То есть, в принципе, Бродский был отзывчивым литератором. И Аксенов был отзывчивым литератором, Аксенов тоже помогал людям. Например – мне, он очень ко мне был добр, и я всегда об этом помню. Поэтому я хочу ска-*

⁴⁸ «Стишки» не могли составить ему конкуренцию!

зять, что этот конфликт интересов никоим образом не должен отражаться на репутации каждого из них – тут просто возник конфликт из-за неприятия эстетики. Для Бродского роман „Ожог“ был неприемлемым, для него он был большим, многословным, с неуклюжей претензией на метафизику, что особенно раздражало Бродского. И он никак не мог себя представить в качестве апологета этой книги, вот как я это вижу.

Соломон Волков: *Для меня важен другой отзыв Бродского об „Ожоге“ Аксенова, он говорил, что „этот роман написан шваброй“. Это подтверждает ваши слова об эстетическом неприятии романа Аксенова. Но мы тут возвращаемся в реальность: отзыв Бродского сыграл решительную роль в судьбе романа „Ожог“. Это сильно ослабило позиции Аксенова.*

Александр Генис: *Но тем не менее Аксенов замечательную карьеру построил в Америке, его книги широко печатались. Когда он жил в Вашингтоне, то Аксенов с гордостью, но и с иронией сказал: „Я самый знаменитый писатель Вашингтона“. Это, конечно, не тот город, который знаменит писателями, скорее политиками. Тем не менее Аксенов в Америке прожил без отзывов Бродского яркую и вполне успешную жизнь»⁴⁹.*

Так выглядит эта драматическая история в восприятии современников двух знаменитых антагонистов. Все свидетели этой драмы, чьи свидетельства приведены мною выше (Еллендея и Карл Профферы, Зоя Богуславская, Анатолий Гладилин, Бенедикт Сарнов, Соломон Волков, Анатолий Генис), в том числе сам Василий Аксенов, подтверждают, что своим отрицательным отзывом на роман «Ожог» Иосиф Бродский на три-четыре года задержал развитие литературной карьеры Аксенова в Америке.

Остается еще один невыясненный вопрос, который может быть интересен поклонникам творчества Василия Аксенова. А именно: имел ли сам Аксенов какие-либо шансы стать нобелевским лауреатом?

Известно, что во время эмиграции он неоднократно становился номинантом на премию Нобеля по литературе. Его писательский потенциал достаточно высоко был оценен не кем иным, как Иосифом Бродским, в письме Аксенову от 28 апреля 1973 года.

Из письма Иосифа Бродского Василию Аксенову от 28 апреля 1973 года:

*«Я хотел давно тебе сказать, но все как-то не было случая – а теперь из-за разницы во времени и в пространстве может приобрести излишнюю значительность, чего я не желаю и чего, надеюсь (зная тебя), не произойдет, – что не *уй пытаться обставить Зоценку, Набокова, Сэлинджера (как все про тебя говорят) или даже Джойса. Единственный человек, которого надо пытаться, – это Беккет. Я думаю, он уже двадцать лет как самый главный человек – в нашем общем деле. Но для этого надо отказаться от ритмической прозы и от остроумия, и вообще от всего того, что приятно делать. Я это говорю именно тебе, потому что у тебя есть необходимый для этого дела душевный опыт, который тебе же на мозги давит, потому что остается нереализованным...»⁵⁰*

И уже спустя много лет после конфликта с Бродским некоторые критики, в том числе зарубежные, считали Аксенова наиболее вероятным среди российских писателей претендентом на высшую премию по литературе.

⁴⁹ Радио «Свобода»: «Диалог на Бродвее», Александр Генис, Соломон Волков, опубликовано 23.02.2015 22:00.

⁵⁰ Письмо находится в архиве Василия Аксенова, хранящемся в Доме Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына.

Из статьи Тадеуша Климовича «В ожидании Нобелевской премии. Заметки о современной российской литературе»:

«А вдобавок кто-то из них получит Нобеля. Многие указывают на то, что им будет Василий Аксенов (1932 г. р.), прозаик и драматург, который дебютировал полвека назад. Его первые произведения („Коллеги“, „Звездный билет“, „Апельсины из Марокко“) вырастали из атмосферы оттепели и располагали к себе давно отсутствовавшей в российской литературе безыскусственностью. Так же тепло принимали читатели и его следующие тексты, и даже роман „Любовь к электричеству“, опубликованный в серии „Пламенные революционеры“, не запятнал либерального образа писателя. В 1979 г. он был одним из пяти редакторов (остальные четверо – Андрей Битов, Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев, Евгений Попов) тысячестраничного альманаха „Метрополь“, у которого не было ни малейшей надежды на публикацию в Советском Союзе и который в конце концов издали в США. После наказания самых молодых „метропольцев“ (Ерофеева и Попова) Аксенов, как и полагается приличному человеку с принципами, в знак протеста демонстративно покинул ряды Союза советских писателей и в 1980 г. очутился в США, где оставался 24 года. Только там он сумел опубликовать выдержанный в тональности политикал-фикшн „Остров Крым“ и автобиографический „Ожог“. Уже в эмиграции написаны и другие его романы: „Бумажный пейзаж“, „Новый сладостный стиль“ (из жизни эмиграции) и, главное, трилогия „Московская сага“, которую неумеренные льстецы сравнивают с „Войной и миром“, а умеренные – с „Доктором Живаго“. Аксенов никогда не скрывал, что „Сагу“ (1989–1993) он писал с мыслью об американском читателе, и этим объяснял выбор определенной художественной манеры. После этой секвенции всех „кратких курсов истории“ (его собственный вклад – это сталинизм „на скорую руку“) Василий Павлович на страницах ежемесячника „Октябрь“, пользующегося успехом у читателей, перебрался в эпоху Екатерины II (в почти постмодернистском романе „Вольтерьянцы и вольтерьянки“), получил за него русский „Букер“, в рамках благодарности французам за Вольтера поселился в 2004 г. У них в Биаррице и написал роман „Москва ква-ква“, действие которого протекает в сладкие пятидесятые годы (1952–1953). Правда, на сей раз появились голоса, говорящие что-то о „старческом маразме“ и „халтуре“ (В. Топоров), но это ничего не меняет: Аксенов для многих поколений читателей остается культовым писателем, и он по-прежнему самый серьезный русский кандидат на Нобелевскую премию»⁵¹.

При этом сам Аксенов при возникновении разговора на эту тему говорил, что пока в жюри премии заседает Гюнтер Грасс, ему, Аксенову, этой премии не видать. Со всеми левыми на Западе у него были испорчены отношения...

Аксенов так никогда и не простил Бродскому той роли, которую тот сыграл в истории с публикацией одного из любимейших его романов. И уже в самые последние годы жизни, если речь заходила о нашем четвертом нобелевском лауреате, не мог скрыть давней обиды. Правда, поскольку острота момента давно миновала, он высказывался об этом в спокойном тоне, немногословно, но не скрывая горечи.

⁵¹ «Новая Польша», 2008, № 7–8, novpol.ru.

Евгения Гинзбург и Василий Аксенов

52

Мать и сын, она – автор потрясшей мир книги-хроники «Крутой маршрут», он – один из самых ярких представителей литературного поколения шестидесятых прошлого столетия. Советская власть беспощадно и неотвратимо вторглась в их семейную жизнь, исковеркала ее, со звериной жестокостью оторвала друг от друга. Евгения Гинзбург была арестована на глазах у пятилетнего Василия. Через несколько месяцев был арестован и отец, Павел Аксенов, не пожелавший предать необоснованно арестованную жену. Разлука с родителями длилась долго. С матерью он увиделся только в 1949-м в «столице колымского края»

Магадане, через 12 лет после ее ареста, с отцом еще позже.

В Магадане Гинзбург находилась на поселении после окончания лагерного срока. Сюда и приехал Василий, чтобы поступить в десятый класс магаданской средней школы №1. Комнатка в бараке, которую Евгения Семеновна занимала вместе с обретенным в неволе новым мужем и с приемной дочерью, ничем не отличалась от соседних. Но здесь по вечерам собирались люди, изучавшие в свое время Гегеля и Канта, помнившие наизусть давно запрещенные «на материке» стихи поэтов «серебряного века», люди, с гордостью причислявшие себя к сословию интеллигенции, русской интеллигенции. Позднее Аксенов вспоминал, что именно здесь получил он свое первое литературное образование, какого не смог бы получить в то время ни на одном филологическом факультете страны. Быть может, именно это и предопределило его будущую литературную судьбу.

В том же году Евгения Гинзбург была вновь арестована в присутствии приехавшего из Казани сына. Цель ареста заключалась в том, чтобы оформить ей пожизненное поселение в Магадане. Через семь лет в письме к Василию от 12 февраля 1956 года, сетуя на его юношеское невнимание, она возвратилась к этому эпизоду: *«...я с некоторой грустью вспоминаю о том времени, когда я уезжала в легковой машине в приятном обществе тт. Палея и Ченцова⁵³ из старого дома. Я вспоминаю, как ты смотрел мне вслед, как разрывалось мое сердце от выражения твоих глаз, но в то же время я вспоминаю, какое у меня тогда было волнующее чувство, что у меня действительно есть сын, что он мой друг и единомышленник, что он серьезный человек, с которым я могу делить и горе, и радость».*

На этот раз все обошлось благополучно, и она вернулась к сыну.

Окончив школу, Василий улетел «на материк», в Казань, где поступил в медицинский институт, по совету матери и ее второго мужа, бывшего лагерного врача. Они не исключали в будущем ареста Василия – кто мог в сталинское время исключать такую возможность, особенно для сына репрессированных родителей! А специальность врача, считали они, обеспечит ему в лагере, коли такое случится, наиболее благоприятные условия для выживания.

Василий стал студентом-медиком.

И вновь наступили долгие годы разлуки. Правда, после смерти Сталина и реабилитации Евгения Гинзбург иногда виделась с сыном, приезжая к нему из Магадана. Но это случалось редко. А в остальное время мать постоянно писала ему, наставляя на путь истинный, ежемесячно высылала ему заработанные в Магадане учительским трудом деньги. Писал Василию и освободившийся после лагерей и ссылки отец. Извлечения из этой переписки опубликованы в прошлом году в журнале «Октябрь» (№ 8).

⁵² Опубликовано: «Казань», № 8, 2014.

⁵³ Магаданские сотрудники госбезопасности, увозившие Евгению Гинзбург в тюрьму, упоминаются в «Крутом маршруте».

Родителям, ярким представителям своего поколения, пережившего революцию, войны, коллективизацию, индустриализацию, массовые репрессии и реабилитацию, хотелось, чтобы сын унаследовал именно их мысли и представления о жизни, а он принадлежал уже к совсем другому времени. К тому же, хотя мы не располагаем ни одним ответным письмом самого Василия Аксенова, даже из родительских писем к нему возникает ощущение человека, обладающего довольно сильным характером и имеющего твердое понимание того, что ему нужно, а что нет. И действительно, он уже многое испытал: сиротство, участь сына «врагов народа», лишения военных лет и скудный быт лет послевоенных, он уже в полной мере ощущал мертвящий дух повседневной советской казенщины и всем существом восставал против него. А тут еще воспоминания военного детства об американской помощи по ленд-лизу: вкус настоящей тушенки, крепкие джинсы, неснашиваемые башмаки. Да еще американский джаз, занесенный в провинциальную Казань неведомо откуда взявшимися Олегом Лундстремом и его оркестрантами!..

Студент Казанского, вскоре Ленинградского медицинского института в начале переписки, а позже – молодой врач, Василий Аксенов был стилигой по убеждению, вместо солидной карьеры врача мечтал (чтобы посмотреть мир) устроиться медиком на суда дальнего плавания, влюблялся, по мнению родителей, не в тех девушек. При этом и политические взгляды сына были уже куда более радикальными, чем у его прошедших лагеря и тюрьмы, но еще сохранявших верность коммунистическим иллюзиям родителей. Поэтому их сообщения о восстановлении в коммунистической партии, как и совет матери вступить в партию ему самому, вряд ли могли вызвать у него воодушевление.

Евгения Семеновна постоянно делилась с Василием впечатлениями от прочитанного (стихов и прозы), от увиденных кинофильмов и, конечно, своим жизненным опытом. Очень эмоционально переживала его пристрастия и увлечения (особенно его приверженность к «стиляжеству»), порой слишком драматизировала житейскую ситуацию. Больно ранило ее, что сын месяцами не отвечает на ее взволнованные письма.

Сквозной темой многих писем матери является проблема теплого зимнего пальто, которое у Василия постоянно куда-то пропадает, а взамен появляется «стиляжная хламида». Все это нашло отражение в позднем рассказе Василия Аксенова «Три шинели и Нос» (1996), где герой рассказа признается: *«Я ненавижу свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший „котиковый“ воротник, тесные плечи, коровий загибок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов».*

И конечно, вместо добротного советского «изделия» появлялось из комиссионки заношенное до дыр пальтишко «верблюжьего цвета, с которого *«свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой»* («Три шинели и Нос»).

Это будет написано Аксеновым более сорока лет спустя, а пока магаданскими зимними ночами Евгении Гинзбург не спится после получения от живущей в Ленинграде сестры известий о том, что ее Вася кашляет и мерзнет от холода в далеком городе на Неве.

Отец, как это свойственно мужчинам, относился к перипетиям сыновней жизни более снисходительно и терпимо, его письма нередко выдержаны в шутовском тоне, но изредка встречаются и жесткие отповеди.

Письма родителей Аксенов хранил всю жизнь, они были с ним и в годы эмиграции.

Между тем время шло. Василий окончил институт, стал врачом – сначала в Ленинградском порту, потом в ленинградской области, затем в Москве. К началу шестидесятых годов относится его яркий литературный дебют: в журнале «Юность» были опубликованы его романы «Звездный билет» и «Коллеги». По ним сразу же стали сниматься кинофильмы. Съемки фильма «Мой младший брат» по «Звездному билету» начались до выхода романа из

печати. По воспоминаниям Аксенова, в июле 1961 года во время съемок фильма таллинский пляж вдруг запестрел оранжевыми обложками «Юности» – шестого номера журнала за этот год со «Звездным билетом». Это был успех, это была слава.

Евгения Семеновна, она с 1957 года живет во Львове, тоже успела уже заявить о себе как писатель, ее воспоминания о рабфаке были опубликованы в Казани в 1963-м. Но до публикации ее главной книги было еще далеко. Первая часть «Крутого маршрута» впервые будет опубликована в ФРГ (Франкфурт-на-Майне) в 1967 году, на родине книга выйдет целиком лишь в 1989 году.

Мать и сын воссоединились в Москве только в середине шестидесятых (1966 год), когда с помощью Василия Евгения Гинзбург поселилась в известном писательском кооперативном доме у метро «Аэропорт». Друзья сына быстро стали и ее друзьями. Именно такие отношения сложились у нее с Анатолием Гладилиным, Беллой Ахмадулиной, Зоей Богуславской, Бенедиктом Сарновым, многими другими известными писателями и поэтами тех лет. Особенной теплотой и взаимностью была отмечена ее дружба с Евгением Евтушенко, даже в ту пору, когда его отношения с Аксеновым стали желать лучшего. Столь же сердечными сделались и ее отношения с будущей второй женой Василия Майей Овчинниковой.

В 1976 году Василию Аксенову удалось добиться разрешения на совместную с матерью поездку во Францию. В путевых записях Евгении Гинзбург, часть которых так же, как и письма к сыну, публиковались в журнале «Октябрь» (2012, № 8), в записи за 19 августа 1976 года читаем:

«С утра – Брест. Проверка паспортов, таможенный осмотр. Таможенница – девица типа Галины Борисовны⁵⁴ – особенно не придирается, в чемоданы не лезет.

– Наркотики везете? Литературы нет? Золота? Как нет, а это что? – зорко уловила цепочку под блузкой...

В Бресте поезд долго переформируется. И вот свершилось: впервые за долгую мою жизнь я пересекаю границу любезного отечества».

Эмоциональна и запись от 3 сентября:

«Наконец-то я дорвалась до вымеченной мной продавщицы, которая занимается только мной. Она хочет одеть меня с ног до головы. С отлично разыгранным восторгом подбирает мне тона к лицу. И что с того, что я знаю: я стара как мир и она, как бы ни старалась, не может разглядеть во мне прежнюю Женюшу. Зато я проглядываю. Вдруг она возникает в зеркале за каким-то туманом. Правда, на ней бушлат ярославского политизатора, но я каким-то фантастическим усилием воли заменяю его этим парижским тэйером. Это только секунда, но она дает мне горькое счастье. Вот как это выглядело бы, если бы это надеть на меня тогда...

– Цены астрономические, – восклицает по-русски Вася.

А бойкая продавщица уловила, смеется, повторяет „астрономик“, но услужливо разъясняет, что фирма готова ждать, если у месье и мадам нет сейчас с собой таких денег. Пусть мы оставим аванс, а они за это время подобьют элегантное пальто ватином, поскольку русские зимы так суровы. И охмурила. На все мы согласились, и теперь все Переделкино ахнет от моих обновок с Елисейских Полей».

Эта первая в ее жизни заграничная поездка стала для больной раком Евгении Семеновны большой радостью, скрасившей последние месяцы ее жизни. Она умерла 25 мая следующего года.

«Крутой маршрут» был опубликован на родине 12 лет спустя, во время горбачевской перестройки. Вскоре театром «Современник» по нему был поставлен спектакль – получившая всемирное признание книга обрела новую жизнь. «Крутой маршрут» до сих пор оста-

⁵⁴ Условное название КГБ.

ется в репертуаре «Современника». Театр неизменно показывает его во время зарубежных гастролей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.